

## Ия КИВА

*Ия Кива родилась (1984) и выросла в Донецке. С 2014 года живет в Киеве. Пишет на русском и украинском языках. Стихи, рецензии и переводы публиковались в журналах «Воздух», «Новая Юность», «Новый мир», «Крещатик», «Октябрь», «Интерпоэзия», «Союз Писателей», в интернет-изданиях «Цирк “Олимп”», «Артикуляция», «Двоеочие», TextOnly и др. Стихи переведены на 15 языков. Автор книг стихов «Подальше от рая» (2018) и «Перша сторінка зими» (2019), а также книги интервью с белорусскими авторами «Ми прокинемось іншими: розмови з сучасними білоруськими письменниками про минуле, теперішні і майбутнє Білорусі» (2021). Перевела роман Мариш Галиной «Автохтоны» на украинский язык (2016), переводит современную украинскую (на рус.), белорусскую и польскую поэзию (на укр. и рус.). Предыдущая публикация в «Волге» – 2020, № 11-12.*

\*\*\*

самое странное, что проявилось во времени в эти шесть лет, –  
это сны о войне разрушающие  
все свидетельства

это было так грязно  
что мыло воображения просто не пенится

и мы складываем его по углам воспоминаний  
чтобы сменять, когда хлебобобы воскреснут

так надрезают детскую щеку реальности ножичком кошмара  
– и кровь вытекает в тебя,  
заполняя будущее как ржавую ванну

и в воде, оплодотворенной духом забвения  
начинают звучать мои стершиеся имена

я баба с мутным лицом в сальном платке  
убегающая по келоидному рубцу железной дороги  
в переполненное человеческой вонью пространство  
сворачивающееся в самокрутку вагона

я солдатик в казарме заваленной  
снегом как рвотой вперемешку с бинтами  
и никто мне не скажет что мы давно впечатаны смертью  
на первый-второй в не первый-второй слой чернозема  
и не можем оттуда проснуться

я человек которого поезд затягивает  
в петлю дыма в душном концлагере  
и пока я дышу вижу как карлик танцует  
смерть мою на культе и костыле

я земля засеянная сквозными глазами

и из этой земли так много дверей на ладони  
что обманом меня каждый раз везут на убой

и когда вода заливают мне горло  
я учусь отворять ей рот без языка

\*\*\*

вырастить ветер  
у этого дуба

а у того дуба  
дать волю степи

как крепостной

ловить волосы вольности  
на иголку

ковырять ею ранку  
запекшейся памяти

на самом краешке  
детства

как в колесе  
обозрения

\*\*\*

здесь  
на пересечении четырех парков  
восстают деревья горящие  
и отправляют огонь сообщения никому

они просто горят  
словно город разворачивающий события  
как посылку из далекой страны

где огонь говорит за себя  
как ребенок  
одними глазами

и во взгляде его пожар слепоты  
застывает онейрической вспышкой  
присутствия постепенного  
как вода обручальная

говори и ты зажигалка  
своим укороченным языком

о деревьях источающих яд

говори и ты узкое имя  
о любви убывающей из родников  
нашей отверженной речи

говори и ты огонь  
врастающий в дерево  
как память во власть  
об искажении горизонта

говори и ты память  
о родинках первого снега  
на почерневшей коже зимы

говори и ты снег  
как ткачиха нежного воздуха  
о колыбели мгновений

говори и ты воздух  
играющий в прятки с деревьями  
о невозможности прошлого

говори и ты  
на пересечении четырех парков  
знающих в языке друг друга  
только огонь

\*\*\*

бабушкино платье блестело как новогодняя елка  
с рукавами-фонариками с большим лифом  
в который мне нечего было положить

это как оказаться внутри большого воздушного шара  
и полететь вперед головой

нежно-розовое как кисель  
от него в детском саду неизменно тошнило

до самой независимости я ходила в платьях бабушек  
пока родителей не было дома  
меряла мамины туфли на шпильке  
которые всю жизнь простояли в шкафу  
как сервиз для особого случая

но какие могут быть особые случаи  
в жизни рядового советского человека

родители уже поженились  
их родители уже умерли

я уже родилась

и туфли отдали чужим людям  
как обещание праздника

и я стала скручивать шеи папиным галстукам  
и пристраивать их к своему лицу  
а потом ходить в его кожаном пиджаке  
и учиться его черно-белой музыке

но в пятнадцать лет руки сломались  
и музыку пришлось отдать чужим людям  
как обещание держаться за жизнь  
негнуцимися деревянными пальцами

с тех пор я слушаю мир как пластинку  
с долгой сказкой из детства  
и хожу по нему без одежды  
за маму за папу за бабушек за себя

\*\*\*

переосмысление футбольного поля —  
камерный жест

древа жизни в центре Европы  
желанию разверзающемуся недостаточно

мы конвертируем любопытство  
в ржавый мох событийности  
в утробное отсутствие слов

и за изнанкой зрачка  
ломаем ветви действительности

мы говорим :новая этика:  
будто из языка можно вырваться

мы говорим :новое: так  
будто растем в переменчивый воздух

из коры в кору переодеваясь  
как сахарные невольники  
танцуя на цыпочках колких листьев

освобождая любовью  
удаление вещи  
в новое качество времени

как музыку-черновик

## Отраженный свет

яблоня добропорядочности плодоносит стволами  
распиливая дни недели на фарфоровые фигурки добра и зла

если правильно выбрать освещение – танец луны убыстряется  
и собачий лай звучит как голодная песня освобождения

о моисей расскажи нам о жизни простой и праздной  
посади нас на цепь заботы о благе мира и града  
порази нас умом словно семенем подорожника

и мы зацветем как терновый крыжовенный куст  
и солнца проглотим свет отраженный  
мякоть за мякотью пока не ослепнем

а внутри темноты мы язык отрежем у милосердия  
как бирку срезают с ношенной шубы  
и гвоздями забьем того кто нарушит молчание

а пока из косточки страха мы вынем чувство победы  
и в грубо сколоченных ящиках насилие повезем  
как спелые яблоки на базар наших кошмаров

урожай – время святое  
и мы чтим его как умеем  
этот мертвенный час нашего равенства

так что ударь сильнее ударь в колокол невозможности  
стать священным органом и светлой музыкой

бей в него всякий раз  
как почувствуешь кислый вкус яблок во рту  
словно собственный голос за краем горы

разнеси этот звон как заразу ложных движений  
на доске о которую мел тьму сокрушает

а когда на руках расцветут розы печали  
положи их в огонь праведной жертвенности  
как в землю спасенное тело

мы же наш урожай съедим без тебя